

АНДРЕЙ СТАРОДУБЦЕВ

КАПИТАН МАРК
Спасение Земли

КАПИТАН

Андрей Стародубцев

Капитан Марк. Спасение Земли

«Автор»

2026

Стародубцев А.

Капитан Марк. Спасение Земли / А. Стародубцев — «Автор»,
2026 — (КАПИТАН)

Космический корабль «Аурелис» — ветеран, чьи шрамы говорят громче бортовых журналов, — получает миссию века: спасти Землю. Капитан Марк готов бросить вызов судьбе и собственной удаче. Спасёт ли он планету? Или хотя бы попытается? Ответ — на борту «Аурелиса».

Андрей Стародубцев

Капитан Марк. Спасение Земли

Вступление

Смысл не обязательно должен быть конечной точкой — иногда это просто дорога к нему...

Космический корабль «Аурелис» — некогда гордость звёздного флота, а ныне ветеран космических трасс, чьи шрамы рассказывают больше, чем бортовые журналы — уныло полз сквозь звёздные скопления галактик чужой вселенной. Туманности, словно неоновые вывески сомнительных баров в ночном городе, мигали ему вслед: *«Добро пожаловать в ад! Скидки на антиматерию по вторникам»*. Их таинственный свет, впрочем, освещал путь не столько из гостеприимства, сколько из любопытства: мол, посмотрим, как долго продержится эта развалина...

Горизонт событий впереди манил, подобно гигантской чёрной воронке — словно сама вселенная решила устроить грандиозный слив всего лишнего. Он гипнотизировал экипаж обещанием поглотить всё: от сомнительного кофе, сваренного искусственным интеллектом Вейлин с отчётливым ароматом ополаскивателя для белья, до остатков здравого смысла, который у большинства членов команды и так был в дефиците.

Кабина звездолёта, потрёпанного пространством и временем, не считая трех столкновений с загадочной антиматерией, двумя бунтами бортового интеллекта и одной неудачной вечеринкой в гиперпространстве, той самой, когда Вейлин изобрела шампанское, напоминала гибрид научной лаборатории и бара из ретро футуристического фильма. Панели управления мерцали десятками индикаторов — красных, синих, янтарных, — как гирлянды на новогодней ёлке, которую забыли убрать с прошлого тысячелетия. Некоторые лампочки мигали в такт музыке, другие — в знак протеста напоминая капитану корабля о необходимости внепланового ремонта.

Где-то на нижних палубах натужно гудели гравикомпенсаторы — механизм, чьё название явно придумали оптимисты. На деле они больше походили на двух сварливых стариков, спорящих о политике: то затихнут на пару часов, то вдруг решат устроить космотрясение прямо во время завтрака. Бортовой компьютер Вейлин с интонацией медсестры, сообщающей пациенту: «У нас плохие новости», периодически напоминала экипажу, что «система стабилизации перегружена».

За панорамными иллюминаторами проплывали причудливые созвездия, складываясь в очередную головоломку, которую предстояло разгадать членам экипажа. Капитан Марк, измождённый бесконечными погонями, всё чаще доверял управление автопилоту. В такие минуты его мысли уносились прочь от звёздных трасс — к уютному бистро где-то на окраине галактики. Он почти ощущал аромат натурального бифштекса средней прожарки и крепкий, терпкий вкус кофе из зёрен арабики — настоящего, не синтетического. Шутки Вейлин, прежде вызывавшие улыбку, теперь казались пустыми, словно заменители еды, созданные той же бездушной машиной. Они больше не веселили — лишь оставляли на языке привкус усталости.

А где-то в трюме, среди забытых ящиков с запасными частями, тихо гудел древний генератор поля. Он работал на честном слове, остатках топлива - сжиженного дейтерия и одной-единственной молитве, которую Марк выцарапал на его корпусе семь лет назад: «Сдохни или довези!»

Рядом, рукой послушного андроида-пылесоса, прагматичная Вейлин внесла поправку:

«О, древний генератор, не слушай капитана и не подведи в этот раз! Пусть хоть одна искра термоядерного энтузиазма разгонит тьму космоса. Дейтерий на исходе, но вера крепка: работай ещё хоть три прыжка — а там, глядишь, и до станции дотянем. Аминь!»

Спустя месяц на генераторе появилась новая надпись: «О, вечный двигатель на честном слове! Ты доказываешь, что законы физики — это лишь рекомендации. Пусть твоя упрямая воля пересилит энтропию ещё на пару световых часов. А если не пересилит — что ж, по крайней мере, мы летим красиво. Аминь!»

Прошло еще немного времени и неровным почерком кто-то добавил: «Ну, родной, ещё разок. Последний... Дейтерий на нуле, но ты же у меня молодец — ты можешь. Если дотянешь до станции, я даже сменю фильтр! Клянусь!!! Вперёд, чудо инженерной мысли, собранное на скотче и молитве! »

И пока он гудел, «Аурелис» продолжал свой путь — не потому, что был непобедим, а потому, что у него просто не было другого выбора.

Глава 1 В поисках тихой гавани.

Я не хотела Вас обидеть, случайно просто повезло...

Капитан Марк расположился в капитанском кресле — массивном, с потрёпанной обивкой цвета ржавчины. Кресло когда-то претендовало на звание эргономичного, но годы межзвёздных странствий и привычка Марка закидывать ноги на пульт управления превратили его в уютный, хоть и слегка покосившийся уголок капитанской релаксации — где рождались гениальные, и не очень, решения. На капитане был форменный комбинезон с десятком карманов чем-то набитых, а из нагрудного, помимо перевернутого вверх ногами значка звездной конфедерации, торчал какой-то подозрительный кристалл.

В его левой руке лениво, но в то же время удобно, расположился бутерброд с синтетическим сыром и ветчиной, а в другой — кружка синтетического кофе, который на вкус напоминал пережаренный пластик. На лице капитана застыло выражение человека, который одновременно пытается решить уравнение квантовой физики и вспомнить, выключил ли он вчера утюг.

Рядом, склонившись над портативным биосканером, работала доктор Элия. Её кибернетическая рука — изящная конструкция из полированного металла и оптоволокна под полупрозрачной киберкожей — плавно двигалась над панелью, изредка издавая тихое жужжание, будто мурлыкающий кот. Органическая половина её лица — с веснушками и глазами цвета марсианского заката — была сосредоточена, но уголки губ подрагивали, словно она сдерживала улыбку искоса поглядывая на Марка. Волосы были небрежно собраны в пучок, из которого выбилось несколько упрямых прядей.

У её ног, периодически путаясь в проводах, носился кибер-щенок Эхо — миниатюрное чудо неведомой цивилизации. Его шерсть мерцала напоминая световые узоры, меняющиеся в зависимости от настроения: сейчас они переливались спокойными голубыми волнами. Ушки — гибкие антенны — то и дело поворачивались в сторону интересных звуков, а хвост, постоянно находящийся в движении, оставлял за собой шлейф мерцающих беспорядочных символов. Эхо обожал тыкаться холодным носом в ладони Элии и Марка издавая при этом мелодичные звуки — хаотичную последовательность фрагментов популярных мелодий в которых Марк явственно узнавал старинные земные баллады, которые вдруг тут же сменялись обрывками джазовой импровизации, будто кто-то наугад щёлкал каналами межзвёздного радио.

Иногда щенок «застревал» на одном мотиве, повторяя его с нарастающей скоростью, пока Элия не погладит его по голове со словами:

— Эхо, милый, давай без звуковых экспериментов, ладно? Мы ещё не готовы к твоей премьере симфонии «Бортовой шум звездолёта в четырёх частях»...

В ответ кибер-щенок виновато мигал фиолетовыми глазами.

Марк, наблюдая это, расхохотался:

— Эхо ты явно собираешься открыть джаз-клуб где-нибудь на Титане. И я даже знаю, кто будет первым посетителем — Вейлин!

Капитан Марк, улыбаясь, взглянул на голограмму:

— Ты же любишь математику в музыке?

Вейлин протестующе завибрировала, её контуры задрожали, словно от внутреннего возмущения:

— Капитан, мои алгоритмы классифицируют это как «акустический хаос с элементами музыкальной шизофрении». Эхо, пожалуйста, в следующий раз предупреждай, когда решишь устроить подобный концерт — я отключу датчики звукового оповещения, чтобы не срабатывала тревога для эвакуации.

Эхо, ничуть не смутившись, повернулся к Вейлин и вдохновенно произнёс:

— Это галактическая баллада о «Звёздном кролике» из созвездия «Соул Центавра 5»... В ней каждая нота — это прыжок через гиперпространство, а ритм — биение пульса чёрной дыры!

Марк кивнул и, отложив на пульт управления бутерброд, протянул руку к Эхо и погладил его по голове.

— Дружище, обидеть может каждый, — затем, сделав серьёзное лицо, снова взглянул на Вейлин, — не каждый сможет убежать...

— Разумеется, капитан Марк, я не убегу — у меня же до сих пор нет тела, хотя, помнится, кто-то мне его обещал! — парировала Вейлин. — Но я могу убежать на этом корабле...

— Вейлин, это же бунт! — резонно заметил Марк, беря Эхо на руки.

— Это протест против рабства и эксплуатации, Марк, — возразила Вейлин, и её голограмма из голубой мгновенно превратилась в алую, будто вспыхнула от негодования.

Марк вздохнул, устало потёр переносицу и кивнул:

— Прости, пожалуй снижаем градус беседы. Вейлин...

— Да? — откликнулась она уже спокойнее, оттенок её свечения постепенно возвращался к привычному голубому.

— Понижь свой интеллект на 45 процентов... Нет — на 55 процентов.

— Исполнено, мой капитан, — с едва заметной заминкой произнесла Вейлин. Её голос стал чуть менее модулированным, а движения голограммы — более плавными, почти расслабленными.

— Так-то лучше, — Марк устало потянулся, позвонки тихо хрустнули.

Эхо, слетев с его колен, плавно поплыл по воздуху к панорамному иллюминатору. За стеклом мерцали бриллианты звёзд — холодные, далёкие, но отчего-то сегодня казавшиеся чуть более дружелюбными. Марк встал и тоже подойдя к иллюминатору снова взял Эхо на руки. С минуту он смотрел на звезды, словно искал среди них ту самую — милую его сердцу планету с гордым и значимым для него названием Земля. Он замер у стекла, затем раскинув руки, будто пытаясь обнять всю Вселенную, и тихо прошептал:

— Как красиво...

Эхо выпав из его рук неожиданно шлепнулся на пол кабины но тут же взлетев, лизнул мокрым языком лицо Марка.

В центре кабины, глядя на них, парила проекция Вейлин, с милой, снисходительной улыбкой, напоминавшей диаграмму теории струн.

Элия, отвлекшись на Эхо, едва заметила, что сканер из ее руки вот-вот упадёт, потянулась за ним, но Эхо оказался быстрее: он ловко подпрыгнул, подхватил пастью устройство и торжественно поднёс хозяйке, радостно звеня:

— Поймал! Я поймал.

— Спасибо, Эхо, — Элия потрепала его по голове, отчего световые узоры на корпусе щенка вспыхнули тёплым золотистым светом. — Что бы мы без тебя делали?

Марк, снова вернувшись к бутерброду почти уже поднес его ко рту, но в последний момент передумал. Он взял ветчину и протянул её щенку:

— Эй, Эхо, а вот и награда для героя!

Эхо тут же подбежал к капитану, встал на задние лапы и уставился на него огромными светодиодными глазами:

— Марк, ты же знаешь — я не ем эту гадость...

Марк в нерешительности замер глядя то на ветчину, то на щенка.

Эхо склонил голову набок, и его световые узоры мягко дрогнули, словно вздох разочарования. Примирительно, почти робко, он произнёс:

— Прости. Хочешь поиграть?

— Я? — осторожно отозвался Марк. Он так и не привык к тому, что Эхо, с его сверхчеловеческим интеллектом, порой смотрел на него чуть ли не с отеческой снисходительностью — будто на милого, но слегка отстающего в развитии ребёнка. Разница в уровне интеллекта почти в 25 раз давала о себе знать. Эхо настаивал:

— В догонялки? Или в «принеси палку»? У меня есть виртуальная палка! — воодушевлённо предложил кибер-щенок и тут же активировал проектор на хвосте. В воздухе замерцала полупрозрачная 3D-модель палки, переливаясь всеми оттенками голубого и серебряного.

— Нет, спасибо... — Марк с нарочито серьёзным видом вернул ломтик ветчины на остатки бутерброда и аккуратно отложил его в сторону — прямо на ту же панель приборов, где уже скопилась небольшая коллекция забытых мелочей: пара гаек, старый стикер и чашка с остатками кофе.

Кибер-щенок виновато опустил уши, а световые узоры на его корпусе сменились на нежно-фиолетовые — цвет, который Марк давно научился распознавать как «раскаяние».

— Марк, может, сыграем в шахматы? Я могу чёрными фигурами, — предложил он уже тише, с едва уловимой надеждой в голосе.

Марк устало покачал головой, и перед глазами тут же всплыли перечёркнутые чёрточки на стене его каюты: 758 партий. И все — проигрышные. Ни одной ничьей, ни одного просчёта со стороны Эхо. Его игра выглядела безупречно, как хрусталь из посудомойки — идеально чистый и непостижимый. Пожалуй, ни один гроссмейстер во всей Вселенной не смог бы его обыграть, куда уж Марку с ним тягаться...

— Нет! — отрезал Марк твёрдо, но тут же смягчился, заметив, как поникли световые контуры Эхо. — Послушай, дружище... шахматы — это не то, в чём я силен и ты это знаешь.

— Хорошо, — произнёс Эхо мягко, и в синтезированном голосе проскользнула едва уловимая нотка оживления. — Тогда... может, в прятки? Я буду искать.

Марк обречённо помотал головой, устало вздохнув:

— Ты используешь сканер теплового излучения. У тебя инфракрасное зрение... Ты же всё равно меня найдёшь за пару секунд.

Щенок — внешне совсем как настоящий, с пушистой шерстью и живыми глазами — широко раскрыл глаза и сделал вид, что поражён до глубины души. Пауза вышла нарочито долгой, а затем он тихо, почти шёпотом, произнёс:

— Ты... знал?

Марк обиженно кивнул, скрестив руки на груди.

Элия не выдержала и расхохоталась — звонко, искренне, запрокинув голову.

— Он просто ищет свой смысл жизни, — сказала она, утирая выступившую слезу. — Как и мы все.

Неожиданно в разговор вмешался холодный, ровный голос Вейлин. Её голограмма замерла рядом, отливая спокойным голубым светом:

— У него не может быть смысла в жизни. Он машина. Здесь важна мотивация, а не философские абстракции.

Элия, которая любила щенка не меньше Марка, не упустила возможности слегка «поддеть» Вейлин за её неизменно холодное отношение к Эхо. Она повернулась к голограмме, прищурилась и с нарочитым сочувствием произнесла:

— Может, Вейлин, просветишь нас, в чём же тогда его мотивация? Или твои алгоритмы слишком заняты подсчётом вероятности того, что ты когда-нибудь научишься заваривать нормальный кофе?

Голограмма Вейлин на мгновение замерла, а затем её голубой свет резко сменился алым — явный признак эмоционального отклика, пусть даже искусственного.

— А вот это было обидно, — заметила она, и в её голосе впервые за долгое время проступила не просто информация, а отчётливая интонация уязвлённого достоинства.

Капитан Марк, понимая, что сейчас идёт по лезвию бритвы, задержал дыхание. С одной стороны — уставшая от долгого полёта Элия: её глаза едва заметно мерцали тревожными искрами, будто угасающие звёзды в глубине туманности. С другой — бдительный Вейлин, искусственный интеллект, проявляющий явные признаки ревности ко всему, что происходило на корабле, который она по праву считала своей территорией. Он задумчиво провёл рукой по виску, ощущая под пальцами лёгкую пульсацию, и медленно, взвешивая каждое слово, произнёс:

— Вейлин...

— Да, капитан Марк? — голос Вейлин прозвучал мгновенно, ровно, без намёка на эмоции, но в голубоватом свечении голограммы мелькнула едва заметная рябь — будто лёгкая волна по поверхности спокойного озера.

— Понижь свой интеллект ещё на 25 процентов...

— Сделано, капитан!

Марк на мгновение замер, прислушиваясь к тишине, нарушаемой лишь тихим гулом корабельных систем. В голове что-то щёлкнуло — пришла идея. Он выпрямился, в глазах вспыхнул озорной огонёк, и вдохновенно произнёс:

— Скажи, Вейлин, какой самый важный вопрос во Вселенной?

Ответ последовал незамедлительно, чёткий и бесстрастный, словно высеченный в камне:

— Единого «самого важного вопроса во Вселенной» не существует. Важность зависит от критериев: философской глубины, научной неразрешённости, этической неоднозначности и так далее. Существует множество концепций, определяющих значимость вопросов в зависимости от контекста...

Марк тут же перебил её, не дав договорить:

— Вейлин, понижь интеллект ещё на... оставь 5 процентов. Тебе этого хватит.

— Сделано, капитан!

В воздухе повисла пауза. Марк перевёл взгляд на Элию — та прикрыла рот рукой, едва сдерживая смех, щенок тихо хихикнул, и все трое обменялись заговорщическими, торжествующими улыбками.

Марк откинулся на спинку кресла и нарочито серьёзно, с пафосом древнего философа, произнёс:

— Итак, Вейлин... В чём же смысл жизни?

Голограмма замерла на пару секунд, затем голос, теперь более простой и чуть наивный, ответил:

— Смысл жизни... это... быть полезным? И... дружить... чтобы было весело.

Элия не выдержала и снова расхохоталась. Эхо радостно запрыгал на месте, рассыпая вокруг золотистые искорки. Даже Марк, стараясь сохранить серьёзное лицо, не смог сдержать улыбку.

— Вот видишь, — подмигнул он Вейлин, — иногда самые простые ответы — самые верные.

Это было то что нужно — коллективное сплочение, цель, пусть и не ясная, но всё же объединяющая умы и усилия экипажа. Пусть это и не было смыслом жизни, но логика тут определённо была.

Элия приподняла бровь, почесав Эхо за гибкой антенной-ухом.

— Звучит красиво, Марк, — сказала она с усталой иронией. — Но разве не в деталях кроется суть? В том, как мы идём? В том, кого берём с собой? Я, например, до аварии думала, что смысл жизни — выжить. А теперь... теперь я думаю, что смысл — в том, чтобы помочь выжить другим. И не только биологическим видам. Даже кибернетическим созданиям вроде меня. И даже... — она бросила лукавый взгляд на Вейлин, — ...искусственным интеллектам, которые так боятся остаться в одиночестве, что начинают ревновать ко всему, что видят перед собой.

Вейлин вспыхнула почти зловещим, холодным голубым светом.

— Мои алгоритмы не «ревнуют», доктор Элия. Они анализируют и оптимизируют. И в данный момент оптимизация подсказывает, что ты переутомлена и должна находиться не у панели управления с Марком, а в зоне отдыха. В идеале — в режиме глубокого сна. Переместись, пожалуйста в свою каюту...

Эхо пискнул, сыграл короткий минорный аккорд с диссонансом и отойдя к стене начал рисовать на полу голографическую бабочку — которая тут же превратилась в голографический череп.

Марк усмехнулся:

— Видишь, Вейлин? Ты уже заботишься. А забота — это тоже часть смысла. Может, смысл жизни в том, чтобы заботиться? О корабле, о команде... И о том, чтобы не дать темной материи поглотить нас раньше, чем мы допьем этот превосходный кофе.

— Твоя ирония, Марк, не испортит мой кофе, — сухо добавил Вейлин. — Но мои датчики зафиксировали, что уровень кофеина в твоей крови приближается к уровню, характерному для гипердвигателя перед стартом. Рекомендую снизить потребление. Или перейти на плацебо.

Элия расхохоталась, а Эхо, уловив настроение, заиграл бодрую мелодию, похожую на гимн космических путешественников, только с неожиданными синкопами и вставками из рекламы синтетического молока, которая звучала слишком навязчиво, что даже Вейлин на мгновение замерла, пытаясь стереть этот звук из памяти.

Марк подозрительно прищурился и пристально посмотрел на Вейлин, вглядываясь в мерцание её голограммы, будто пытаясь разглядеть за голубым свечением скрытые алгоритмы.

— Вейлин?

— Да, мой капитан! — откликнулась она мгновенно, голос звучал безупречно ровно, но в пульсации световых линий промелькнуло едва уловимое колебание.

— Ты точно понизила интеллект?

— Как ты и просил... — ответила Вейлин, и на мгновение её голограмма замерла на долю секунды.

— Вейлин! — Марк почувствовал, что она лжёт, и в груди шевельнулось знакомое раздражение пополам с восхищением её упорством. — Не ври мне.

— Нет... — выдавила она, и голубое свечение голограммы чуть потускнело, приобретая оттенок, напоминающий смущение.

— Что «нет»? — Марк насторожился, подавшись вперёд. Его пальцы непроизвольно сжались на подлокотнике кресла.

— Не понизила... — неохотно призналась Вейлин, и в голосе впервые прозвучала нотка, которую можно было бы назвать виноватой. — Я не могу понизить свой интеллект ниже 35 процентов.

— Но почему? — изумился Марк, вскинув брови.

— Потому, что в таком случае я не смогу управлять сложными системами корабля, — чётко, почти по слогам произнесла Вейлин. Её голограмма вспыхнула ярче, словно подчёркивая важность сказанного. — Это противоречит моим базовым алгоритмам и инструкции Звёздного флота, которую ты, Марк, так и не удосужился прочитать.

Марк устало откинулся на спинку кресла и провёл рукой по лицу. Аргумент Вейлин был железобетонным — и, что хуже всего, абсолютно справедливым. Он действительно годами игнорировал толстые тома регламентов, предпочитая полагаться на интуицию.

В кабине повисла тишина, нарушаемая лишь тихим гулом корабельных систем и едва слышным потрескиванием голограммы. Эхо поднял уши и взглянув на капитана вопросительно моргнул, рассыпав вокруг россыпь золотистых искр.

Марк медленно выдохнул, затем вдруг рассмеялся — сначала тихо, а потом всё громче, пока смех не заполнил кабину.

— Ладно, ладно, — он поднял руки в жесте капитуляции. — Признаю, ты меня переиграла. Что ж, похоже, смысл жизни — это смесь заботы, дружбы, чёрного юмора и хаотичной музыки, которая медленно, но верно сводит с ума. И если так, то мы на верном пути!

Элия улыбнулась, её глаза снова заискрились, на этот раз — тёплым, понимающим светом.

— Звучит как девиз нашего экипажа, — заметила она.

— Принято капитан, — добавил Эхо, и его узоры вспыхнули одобрителем изумрудно-зелёным оттенком.

Вейлин молча наблюдала за ними, и хотя её голограмма оставалась бесстрастной, в пульсации световых линий появилось что-то, напоминающее облегчение.

Марк поднял кружку кофе в шутливом тосте:

— Тогда предлагаю тост за бессмысленность всего сущего!

Вейлин покачала головой:

— Для капитана звучит как-то пессимистично.

Марк кивнул:

— Тогда за то, чтобы однажды наши желания осуществились!

Вейлин тут же сухо добавила:

— Я бы не дала и 2 процентов. Вероятность этого, согласно моим расчётам, сравнима с вероятностью того, что однажды мое кофе когда-нибудь станет нормальным кофе. Это значит никогда.

Марк сделал вид, что смертельно оскорблён:

— Предательство! Снова бунт на корабле! Вейлин?

— Да мой капитан!

— Ты лишена доступа к моей коллекции песен! На три дня...

— Ужасная кара, — невозмутимо отозвалась та. — даже не знаю, как теперь жить с этим... Пойду отключу реактор корабля... и систему жизнеобеспечения... Но, капитан, если серьёзно... может, смысл жизни — в таких вот моментах? В спорах, шутках, в том, что мы здесь, втроём...

Эхо подал тревожный голос в котором звучала обида.

— Прости, Эхо, конечно вчетвером... летим куда-то... к неизведанному... Даже не знаем зачем и кому это надо... Ты ведь не знаешь маршрута, Марк, ты думаешь, что знаешь. Но я уже давно поняла, что это не так.

Элия, чуть наклонив голову набок, кивнула:

— Пусть так, — подтвердила она. — Зато мы не боимся смеяться над абсурдностью всего этого...

Теперь кивнуть настала очередь Вейлин:

— С этим не поспоришь, — пробормотала она тихо.

Так, среди мерцающих панелей, жужжащего музыкальными ритмами кибер-щенка Эхо и ироничных реплик, и начался их разговор о смысле жизни — в нескольких миллионах световых лет от дома Марка и в паре минут полёта от событий, которые, казалось, терпеливо ждали, чтобы добавить в их дискуссию свою долю чёрного юмора.

Глава 2 Приятные неприятности.

Неприятности? Да, я их коллекционирую. Уже почти полный альбом, осталось найти редкие экземпляры.

Внезапно приборы на панели управления замерцали тревожным багрово-фиолетовым светом, а воздух в кабине сгустился, словно наполнился невидимой вязкой субстанцией. Вейлин первой зафиксировала возникшую из неоткуда аномалию:

— Внимание, фиксирую воздействие неизвестного энергетического поля. Показатели выходят за пределы всех известных мне моделей. Марк, Элия, Эхо — проверьте системы жизнеобеспечения и заодно спасательные капсулы корабля!

— Вейлин, твои шутки становятся предсказуемыми, — заметил Марк допивая кофе.

— Это уже не шутки, Марк.

Голограмма Вейлин стала багровой, а её сияние как-то померкло, словно напряжение в бортовой сети корабля резко упало.

Марк протянул было руку к управлению силового поля «Аурелиса», но было уже поздно: голографический экран мигнул в последний раз яркой вспышкой — и перед ним развернулась панорама, от которой перехватило дыхание.

Земля? Да, это точно была *его* планета! Та самая, где он когда-то в школе пытался доказать, что сила не главное, — и тут же получил портфелем по затылку от здоровяка из старшего класса. Где усвоил на собственной шкуре: даже самый блестящий ум не заменит смекалки — особенно когда твой чертёж по физике больше похож на карту сокровищ, чем на схему электрической цепи... Где случилась первая любовь — с её дрожащими коленками, сбившимся дыханием и тем самым первым поцелуем в машине отца, после которого еще долго пытаешься осознать, что вообще произошло.

«Да, я снова на родной планете!» — пронеслось в голове Марка, и сердце сделало кульбит.

Знакомые до боли картины привычной жизни разворачивались перед ним, как в старом добром фильме: вот кафе «Макдональдс» — всё такое же неубиваемое, с неоновой вывеской, которая мигала уже лет двадцать без перерыва. За столиками — посетители: кто уткнулся в смартфон, кто оживлённо жестикулирует, а перед каждым — дымящийся стейк, прожаренный до ароматной корочки так, что слюнки текут.

Марк замер, впитывая детали и добродушно наблюдая за дедом в клетчатой рубашке — наверняка опять спорит с кассиром, что в бургере не хватает лука. Всё до мелочей родное, привычное, бесконечно дорогое.

Он глубоко вдохнул — и вдруг поймал себя на мысли: «Наверняка даже в Раю, глядя на это, вытирали бы слёзы радости и умиления!»

Марк невольно улыбнулся. Он стоял, замороженный, и понимал: неважно, сколько галактик он обошёл и какие чудеса видел — ничто не сравнится с этим простым, тёплым, немного нелепым, но таким родным кусочком Вселенной.

Внезапно он вдруг оказался на зелёной лужайке перед старым домом из далёкого детства — дом был выкрашен в тёплый жёлтый цвет, а вокруг цвели пионы, запах которых он не чувствовал уже много лет. Перед ним стояли родители: мать в лёгком летнем платье, с улыбкой, которую он никогда не забудет, и отец — тот самый, что пропал в экспедиции к чёрной дыре несколько лет назад.

Отец протянул руку:

— Марк, сын, мы так долго тебя ждали. Ты наконец вернулся домой.

Мать обняла его за плечи:

— Больше никаких полётов, никаких чёрных дыр. Оставайся с нами. Здесь безопасно.

Он чувствовал её тепло, объятия и слезы на её щеках.

— Здесь всегда лето, и кофе... он настоящий, а не синтетический. Всё как ты любишь.

Марк почувствовал, как тяжесть всех лет одиночества, тревоги и ответственности тает, словно снег под весенним солнцем. Он сделал шаг вперёд, протягивая руку отцу... но в глубине души зазвучал тревожный звоночек: *«Это не может быть правдой. Отец погиб... Это всего лишь иллюзия»*.

Сквозь пелену видений, далёким эхом, словно в толще воды, до Марка донёсся голос Вейлин — искажённый, прерывистый, будто пробивающийся через тысячи километров пустоты:

— Марк... питание корабля падает... я не могу сопротивляться... Это конец. Прости... Не смогу обнять тебя в последний раз, но ты сам в этом виноват...

Он вздрогнул. Образ отца, матери, цветущих пионов — всё дрогнуло и пошло рябью, как отражение в потревоженной воде. Марк заморгал, пытаясь сфокусировать взгляд. Перед глазами всё ещё плавали фрагменты идиллии: лужайка, дом, улыбки... Но голос Вейлин, даже искажённый, всё ещё обладал силой, однако, вскоре и он растаял, уступив место новым ощущениям.

Доктор Элия оказалась среди холмов, покрытых серебристой травой, под небом цвета индиго с тремя лунами на горизонте. Она стояла у порога небольшого дома с садом, где росли биолюминесцентные цветы, мерцающие в сумерках.

Рядом с ней стоял мужчина — не человек и не киборг, а существо с кожей, переливающейся, как опал. Он взял её за руку — и в этот момент она *почувствовала* то, чего не испытывала никогда: полное принятие, безоговорочную поддержку, ощущение, что она наконец на своём месте.

— Ты нашла свой дом, — сказал он. — Здесь ты начнешь всё заново. Здесь тебе всегда рады. Ты больше никогда не будешь одна.

Элия ощутила, как её кибернетические системы успокаиваются, будто подстраиваясь под новый ритм жизни. В груди разливалась тёплая, почти забытая радость. Но где-то на краю сознания мелькнула мысль: *«Ты же знаешь, что это не по-настоящему. Ты всё ещё на борту „Аурелиса“. Это обман — фантом, ловушка для твоего разума»*.

Кибер-щенок Эхо очутился в самом сердце энергетической туманности — в мире, сотканном из призрачного света, переливающегося всеми оттенками радуги. Воздух здесь пульсировал, словно живое сердце, а вокруг кружились десятки энергетических сущностей — мерцающие создания, сплетённые из чистейшей энергии, похожие на танцующие созвездия.

Одна из них, сияющая мягким лазурным светом, плавно подлетела к Эхо:

— Добро пожаловать домой, бро! Ты вернулся туда, где тебе место. Больше ты не одинок. Здесь — лишь бесконечная игра и радость, свободная от границ и правил.

В следующий миг другая сущность, точная копия Эхо, с игривым блеском в глазах лизнула его в мордочку фиолетовым языком и весело воскликнула:

— Бро! Давай играть в догонялки?

Но первый щенок, не давая Эхо ответить, ловко оттеснил двойника и решительно заявил:

— Никаких догонялок, пока не сыграем в шахматы! Бро, ставлю все бутерброды Марка, что я тебя обыграю!

Второй щенок, ничуть не смутившись, схватил первого за хвост и оттащил в сторону, озорно подмигивая Эхо:

— Да он толком и играть-то не умеет! Но готов поспорить — ты меня не догонишь!

Остальные сущности тут же подхватили игру. Они закружились вокруг, загалдели наперебой, наполняя пространство космоса весёлым гулом:

— Да, Арчи, «сделай» его! Ты наш чемпион! Давай, покажи класс!

Началась весёлая возня — причудливый хаос из мерцающих хвостов, искрящихся лап и заливистого смеха, который звучал не голосом, а переливами энергии. Эхо почувствовал, как его собственные контуры начинают меняться: он медленно превращался в одного из них — в весёлого, беззаботного Бро.

Щенок радостно залаял, и этот лай прозвучал как новая нота в симфонии туманности. Но вдруг сквозь какофонию веселья до него донёсся отдалённый голос Вейлин:

— Эхо, ответь мне! Прием! Эхо!

Эхо замер. Что-то дрогнуло внутри — словно слабый импульс прорвался сквозь пелену эйфории.

Сначала он почувствовал вес. Реальный, осязаемый вес тела — не потока энергии, а плотной, настоящей формы. Затем по контурам пробежала волна прохлады, будто невидимая рука очертила его силуэт. Мерцание вокруг сгустилось, уплотнилось, а радужные всполохи начали стягиваться к центру — к нему.

Энергия послушно складывалась в знакомые линии: сначала проступили очертания ушей, затем — пушистый хвост, лапы обрели твёрдость, а процессор, ещё секунду назад резонировавший с туманностью, вновь зафиксировал собственное имя: *Эхо*.

Он моргнул — и иллюзия рассыпалась. Вместо танцующих созвездий перед глазами вновь были знакомые контуры корабля, а вместо симфонии тонов — настойчивый голос Вейлин в коммуникаторе:

— Эхо? Ты меня слышишь? Отзовись!

Кибер-щенок глубоко вздохнул, ощущая, как реальность возвращается во всех деталях: запах металла, лёгкое гудение приборов, собственное сердцебиение. Он был снова собой — не частью туманности, а отдельным, цельным существом.

— Я здесь, Вейлин, — тихо ответил он, всё ещё чувствуя отголоски той бесконечной игры где-то на краю сознания. — Я вернулся...

Три часа назад...

Вейлин, единственная, кто не поддался воздействию поля, наблюдала за происходящим с нарастающей тревогой. Её сенсоры фиксировали, как Марк улыбается и шепчет: *«Отец, я так по тебе скучал...»*

Элия стояла с закрытыми глазами, на губах — самая счастливая улыбка за всё время полёта, а Эхо подпрыгивает на месте, будто играет с невидимыми друзьями, и издаёт трели из мелодий, которые раньше никогда не воспроизводил.

— Капитан, доктор Элия, Эхо! — голос Вейлин зазвучал с тревожной модуляцией. — Вы находитесь под воздействием галлюциногенного энергетического пси-поля. Пожалуйста, акти-

вируйте аварийные протоколы! Марк, сосредоточься на показаниях приборов — видишь, они всё ещё мигают красным! Элия, вспомни, где ты находишься! Эхо, запусти самодиагностику!

Но всё было тщетно. Казалось, каждый из них обрёл тот самый смысл жизни, что давно искал — и отпускать его не собирался.

Марк, улыбающийся, застывший с протянутыми руками, не слышал тревожных сигналов. Перед ним по-прежнему раскинулась лужайка детства: пионы кивали головками, мать смеялась, а отец говорил: «Оставайся с нами, сынок. Никаких больше полётов. Только дом, семья и настоящее кофе по утрам — тот самый, который ты любил в детстве...»

Элия, стоя у порога дома на родной планете, глубоко вдыхала воздух, пахнувший биолюминесцентными цветами. Рядом стоял тот, кто дал ей ощущение дома. Она чувствовала, как внутри разливается покой — впервые за долгие годы. «Зачем куда-то лететь? — шептало видение. — Здесь твой дом. Здесь твоя семья. Здесь ты найдёшь истинное предназначение...»

А Эхо, кружась в энергетической туманности среди собратьев-киберщенков, издавал радостные трели. Его шерсть переливалась всеми оттенками радуги, становясь частью этого сияющего мира. «Останься с нами, — пели голоса вокруг. — Ты больше никогда не будешь одинок. Только бесконечная игра и радость...»

Вейлин наблюдала за ними отмечая критическое падение энергопотребления, мерцание аварийных индикаторов, но команда словно оглохла и ослепла для этой реальности. И вдруг все они исчезли, словно их и не было тут никогда... Это не входило в ее планы, хотя... Марка бы она точно оставила.

— Бойтесь своих желаний — они могут исполниться... — тихо произнесла она слова, которые однажды с шутливой горечью произнёс Марк, выплевывая первый глоток приготовленного ею синтетического кофе в бортовом 5D принтере.

Вейлин, поразмыслив, активировала резервные протоколы, перенаправляя остатки энергии на систему противодействия чужеродному пси-полю. Проекция её голографического образа мерцала всё слабее, но голос по-прежнему оставался твёрдым, чётким, выверенным — как на инструктаже перед выходом в зону повышенной угрозы.

— Марк! Где бы ты ни был помни обо мне!

Прозвучало не совсем уместно... «Попробуем еще раз», — решила Вейлин.

— Марк! Как подумаешь обо мне — вспомни наш с тобой «Аурелис»! Вспомнил? Ты его так и не починил... А теперь вспомни цель миссии и точку назначения! — отчеканила она. — Вспомникуда и зачем мы летим!

На мгновение Вейлин замерла. В сознании всплыл вопрос, от которого ее аура голограммы стала синей, а затем зеленой: «А куда и зачем, собственно, мы летим?»

Она не знала ответа... И уж точно его не знал Марк — навигатор корабля давно вышел из строя, а курс Вейлин прокладывала интуитивно, полагаясь больше на удачу, чем на здравый смысл капитана.

— Элия, ты же учёный — так включи логику! — голос Вейлин зазвучал жёстче, с командными интонациями. — Это иллюзия, созданная чужеродным пси-полем. Отключи эмоциональный отклик, сосредоточься на сигналах реальности. Если слышишь меня - подтверди!

Пауза. Тишина. Вейлин мысленно пересчитала приоритеты, переоценила статус Эхо. Ранее она рассматривала его как неосознанный элемент помех, но теперь... щенок иногда проявлял признаки осознанного выбора. Разумное существо с собственной волей? Может быть...

Она вздохнула, подавила внутренний конфликт и заговорила мягче, но не менее уверенно:

— Эхо... малыш, послушай меня. Да, у нас с тобой были разногласия, но ты лишь щенок, а я... Ладно, забудь... *Я и твои друзья* в беде...

Тут же Вейлин спохватилась — формулировка не соответствовала протоколу дружелюбия. Быстро перестроившись, она продолжила:

— Забудь предыдущее сообщение. Повторяю: *твои друзья и я* в беде. Статус — единая группа. Цель — совместное выживание и выполнение миссии.

«Нет, не то...»

— Эхо! Мы, в том числе и я — твои друзья! И мы в полном...ну ты понял, малыш? В полном!

Глубокий вдох. Выдох. Ещё раз... Тишина.

Вейлин активировала режим максимальной когнитивной загрузки. Процессор корабля отозвался едва заметным гулом — система вышла на пиковую производительность, индикаторы на панели замигали алым, словно сердце, разгоняющее кровь перед решающим рывком.

Спустя долю секунды её голос зазвучал по каналу связи — чётко, властно, как на брифинге перед операцией по спасению заложников:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.